

У нас на гастролях

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Лет двадцать назад Рижский театр русской драмы приезжал в Кишинев.

Это был сироманый театр: громкая пьеса, никакие режиссерские изыски, реалистичная игра. Но каждый его спектакль был свежим, как на премьеры, каждый костюм отутюженным, каждый актер, в любой роли, маленькой или большой, тратился до корней. Больше того, этот театр смотрел смело и прямо жизни в глаза и говорил о том, чем горела душа каждого из нас: о честности, лжи, достоинстве, о нашем молчании, о том, что быть человеком непросто.

Прошли годы. И вот июль. Рижский театр снова у нас на гастролях.

За минувшие годы мы и читали и видели новинки его спектакли, этот театр не потерял среди других, он один из лучших в стране, из молодого известным стал его главный режиссер А. Кач. И мы ждали театр с интересом.

РИЖАНЕ не поскупились. Их афиша оказалась щедрой, и уже она говорила, что едет театр — не разлекать, — едет всерьез, везет полтора десятка спектаклей, среди них почти половина — классика: Гоголь, Толстой, Чехов, Брехт...

Гастроли открылись с редким достоинством — «Ревизор» Гоголя! Этот спектакль (постановка А. Кача и В. Петрова) не просто познакомил нас с лучшими силами труппы, но оказался самой высокой нотой театра, он как бы вобрал в себя все его темы, весь блеск его талантов, раскрыл редкий дар его режиссуры: не иллюстрировать пьесу, а через театр — проникнуть в духовный мир драматурга. И когда немец Гибнер ни бельмеса так и не выучивший по русски, превосходно понимает, что требуют обстоятельства и, как все, сует Хлестакову взятку, или когда Городничий с его мальчишеским, «честным» лицом, отдыхая от должностного грабежа и мордобоя, солирует на дудочке в своем домашнем оркестрике, или когда его дочь Марья Антоновна, как наивная кукла с широко распахнутыми глазами, надыхавшись этих сладкозвучных мелодий лапешки, принимает их за музыку времени, а ее как девушку хватает и хлопает на колени залетный «свельможа» — кому все дозволено! — и вокруг один хохот и рожи, и никакой «музыки» нет в памяти, то это не «отсебятница», как заметил мне один очень смущенный критик, — это глазами Гоголя, изнутри, раскрывается «галерея шутов и плутов», и мы выходим на простор мыслей о том, что если вот эти рыла, этот веселый забавник, развлекающийся чужими письмами — почмейстер (н. а. Лат. ССР А. Михайлов), как раз и призванный сохранять тайну писем, если сама пустота, извертевшаяся в кокетстве Анна Андреевна, первая дама города (н. а. Лат. ССР Р. Праудина), если человек с двойной моралью, лучший уже не только другим, но и себе — Городничий (н. а. Лат. ССР Е. Иванючев), если все эти рыла — люди, а циничное незнание обществом другого языка, кроме взятки, — жизнь, то откуда тогда в нас иное понятие о жизни, откуда этот трепет, и гнев, и боль, и надежда при слове «народ», «достоинство», «правдивость», «порядочность»?

На это спектакль отвечает еще одной «отсебятницей»: Петр

Иванович Добчинский, шут гороховый, пустомеля и такое казалось ничтожество, что даже природа и та ему отказала в своем лице и оно совершенно повторяет лицо Петра Ивановича Бобчинского, но вот сподобился и у него получился внебрачный ребенок. И хоть законом и обществом непризнанный, этот мальчик оказался прелюбопытным, «сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с», и в доказательство этому Добчинский извлечет из коробки «дрожечки». И даже раньше, чем мы их увидим — жар волнения ударит в лицо, а потом уже видим: дрожечки, кони, гривы, чистые линии выгнутой выи — летит «птица-тройка», копыта земли не коснется, летит легкая, летит белая, летит гордая, летит величавая, летит вопреки ничтожным победам и законам этих земных шутов, летит, сработанная рукой и душой непризнанного ими ребенка, летит смертная боль Гоголя за все, что есть — Правда, Русь и Народ!

Так, открывая гастроли, первым своим спектаклем театр дал нам знать, что он нацелен на крупное: время, народ, правда.

В плену крупного держат нас не только сложные его спектакли, как, например, прекрасная «История одной лошади» Л. Толстого (пьеса и постановка М. Розовского), или «Чайка» А. Чехова (постановка А. Кача и С. Лосева), но даже такая «чистая» комедия, как «Дни портных в Силмачах» латышского классика Р. Блаумана.

Смотреть ее после Гоголя все равно, что после мощного симфонического оркестра слушать нехитрые мелодии какого-нибудь простодушного дурака. Конечно, есть в этом спектакле свои измены и свои страдания, но повествуя о них, театр избрал такой наивный язык, что мы сразу предчувствуем как к концу все образуется: родители помирятся с детьми, влюбленные обретут друг друга, и все-все окажется совершенно счастливыми. Так оно и случилось. И не могло случиться иначе в такой удивительной стране людей, где каждый — от бойкой приветливой, открытой Антони (н. а. Лат. ССР Н. Незнамова) до лукавой Пиндацихи (н. а. Лат. ССР Р. Праудина), с таким искусством ворушей блины, будто их с чужой тарелки в ее карман приносит веселая нечестная сила, — каждый завоевал наши сердца своей чистотой, простосердечием, добротой. Мы легко, с редким удовольствием, погружаемся в заботы этих героев, переживаем за всех, часто хлопаем, часто смеемся. Иначе и быть не могло, мы же видим и понимаем, что перед нами — игра, праздник, театр! Но, как яркий узор обязательно держится на канве, так и этот спектакль, со всей своей веселой незатейливостью, как бы нанизан на мысль о том, какими счастливыми могут быть все, если каждый из нас преодолеет свой эгоизм, посмеется над своими ошибками и протянет руку другому.

Вообще классика в постановке рижан удивительно современна, она не про ушедшее вре-

мя, она — про нас, про болевые точки нашего дня.

В сегодняшней же драматургии театр ищет пьесу острую конфликтную, где есть сложные драматические ситуации, где любимый герой кричит от боли («У моря» В. Розова) или молчит от боли («Вы чье, старичье?» Б. Васильева), но где ему обязательно больно, потому что живет он не в придуманной дистиллированной жизни — в жизни живой, где много еще неправды и неустроенности, душевного осуждения и мелких ничтожных расчетов, где все духовное ранимо и беззащитно, где ощущается большой дефицит человечности. При всем при этом у театра нет и тени уныния: его героя можно убить, но заставить его отказаться от лучшего в себе — никогда!

Не все у рижан получилось одинаково хорошо. Не совсем порадовали нас «Трехгрошовая опера» Б. Брехта и «Театр времен Нерона и Сенеки» Э. Радзинского, острота иных сцен в постановке «Вы чье, старичье?» не всегда была художественно оправдана, и, что особенно удивило в труппе такого класса, — неясное слово. Например, в спектаклях «Вы чье, старичье?» и «Дни портных в Силмачах» порой невозможно было расслышать целые сцены.

Но не на этой ноте хочется протеститься с театром. Наш интерес к нему был не напрасен, ждали мы его не зря, он растрогал наш город, июль превратился в праздник. Позвонишь знакомому врачу, а он в театре, знакомая учительница тоже в театре, в театре соседка. И никто не хочет говорить о болезнях, о конкурсах в вузы, о ценах на фрукты, всех интересует одно: «Вы уже посмотрели?» И не успеешь кивнуть, как с тобой уже спорят о Марье Антоновне, восхищаются молодым А. Ильиным или всей труппой сразу: не только прекрасно двигаются, поют, но и чувствуют, думают, есть в ней культура не одного дня... Как-то возвращаемся после «Истории одной лошади» с местным режиссером, я ему про иродного артиста Лат. ССР А. Лебедева, как бы самой природой созданного играть Холстомера, а он молчит. Я ему про то, как ужасно тратится этот актер в своей роли, какая искренность и глубина, а он вдруг остановился и крикнул: «Так это ж — Театр!». И так крикнул, такая чувствовала зависть профессионала, который возможно один из всех нас понимает, каких трудов стоит это понятие — «театр»: не просто актеры и режиссеры, собранные вместе судьбой и случаем, а нечто целое, с одним мировоззрением, одной культурой, одним дыханием.

И последнее. Сегодня такое время, что невозможно не думать о завтрашнем дне, о том, что наше сознание как бы уже освоило проблемы вчерашние, что мы ждем нового слова, новых конфликтов, новых характеров, что от такого театра, как Рижский театр русской драмы, показавшего завидную верность времени и себе, мы ждем смелого продолжения поиска на новом витке наших зрительских ожиданий.

Л. ЛАТЬЕВА.